

Петр Кожевников

A T T E C T A T

Пятилетний, в коротких штанишках на письмочках, я шестую до Невскому. Рядом, конечно, должна шагать мама, мы всегда вдвоем: она посвящает мне все свободное от заработка время и даже то, что немедленно отведено третьей ипостаси — разносчицы телеграмм. Тогда я, обняв утомленную шею, поблескиваю глазами с ее плеча.

Если я не оседлал маму, то рука моя должна храниться в ее ладони, но я ощущаю землю и свою незакрепощенную кисть — где ты? Однако, бедра женщин, которые обычно наплывают на мое лицо, стремятся к равнодесию значительно ниже линии горизонта — здесь что-то неладно.

Я внимательно вглядываюсь в асфальт, хотя желание мое — всмотреться в прохожих, но, зная, что единственный взгляд толпы примагничен ко мне, я прижимаю подбородок к груди и зиркаю по сторонам...

— Не пиши от первого лица, — отмечая пренебрежение, — не свое — читателя (она раньше меня!), с кривой усмешкой наваливается на спинку кресла тетка. Рука ее стиснута коленями, ноги выбириуют.

Когда пальцы мои, нашупав клюкву, давили ее, лицо изображало муку, а после, когда рука подносила содеянное к глазам, я плакал.

— У тебя опять получится водить — осязает волосы тетка: часть их заплата в косички, отдельные участки завиты и — проседь, проседь. Ребенком я окрестил это империей...

Здесь было кафе: мать кормила пирожными, звучали сказки (недременно поучительные), офицантка Тася, гардеробщик-инвалид с культией, замененной в будущем протезом, и улыбка его (улыбочка) и голос: "Видите"...

Я сидел на потертом стуле и прикидывал сумму, на которую потреблял: угощение качественнее общепитовского, но и

дороже - его много. Появлению продуктов аккомпанирует табло калькулятора - оно люминесцирует, мне не избежать огненных цифр; 2 яйца, традиционно-гигантские - $13 \cdot 2 = 26$, в меню добавляют за варку и сервис, а подсовывают, убежден, по 9 коп., в столовой неизбежно минимум 30, вместо 18, а это, считай, еще одно можно проглотить, да на 3 коп. хлеба, - или так: на копейку соли, на две - хлеба, соли, кстати, хватило бы на месяц, а с мучным тоже честно, буханку за 14 копеек кромсают на 20 кусков и каждый оценен в копейку, да еще начисляют по 3 коп. за два куска.

Я сидел на потертом стуле и вновь истязался испытанным ранее, когда маялся в очереди у стен кулинарии, маялся и читал сутьбы. Когда мыдвигались неспешным строем, мне вдруг стало жутко всего, включая винтики на прилавке-холодильнике: фурнитура тоже оказалась причастна. Стало жаль себя, когда увидел все как оно есть на самом деле: пиратский глаз кассира, вдавленные, тройные, квадратные подбородки, куцые, будто об одной фаланге, пальцы, скавшие мешки поливиниловые импортные с рекламой джинсов и автомобилей, ковшечки холщевые (СССР) с мочающимися голодающими лягушками...

Я не уверен, что не присутствую в данный момент в некоторых, прельстивших взор зданиях. Я, смотрящий, прищурчив: здесь изменить цвет и ликвидировать четвертый центральный этаж - он нарушает гармонию. Я, находящийся в домах, одинок и грустен: здесь кипит народ, бал, мне вроде бы весело, но я обманут, ее - нет, хотя, стоящая, не она ли? Шурюсь, догоною во внутреннем дворе (статуи, фонтан), останавливаю и изучаю - нет; здесь - ни души, я - затворник, мотается пес, тиранит руку, это - апогей скорби, и я готов зарыться в собачью шерсть, но - нельзя, я под окном царапых и вновь понимаю, что мне не пять, а близко к тридцати и пока (надежда!) я не вывел категорию: мечтатель или неудачник.

ХХХ

Активно изучаю присутствующих. Это - две аспирантки, прижавшиеся к стойке у заветного окна; они читают допоздна,

щелят яблоко, спят вместе; асимметричный липомант; поклоняется девиц ("неплохо"!); перетасовывает бумаги, наслаждаясь не только укомплектованностью материала, но и проникая заодно в женскую физиологию; потряхивает ворохом (пощупывая аспиранток), сюда перекладывает; невидимые инспектора отдела кадров под защитой блексиглаза затаялись (как щуки) в промежностях шкафов и сейфов.

- Скажите, мне имеет смысл ждать? - Громуко и никому, пощелкивая пальцами над рабочим местом инспектора ОЗО.

- Есть право у человека в туалет отлучиться?! - басом (деданьем) различается в недостоверие сирени (и это в самом сердце данцелярии!) опустошенное за ночь лицо.

В детстве я мечтал стать думашеши - сумасшедшие нечувствуют боли. Жениться на медичке? Только не это! Я полагал, что меня настолько угнетает медицинская практика спруги, что я не изыщу ресурсов для половой жизни. Второе место завоевала работница УВД или КГБ. Третье место могла бы заслужить государственная бюрократка.

Похоживаю энергично, не позволяя усомниться ни людям, ни мебели, ни самому духу делопроизводства в своей одобрости и решимости.

Первый проникает пирамида бумаг, следом очевидный кадровик, томясь бременем власти: "Кто бы пожалел?"

- Я за документами. - Стопы опережают голову и мне легче.

- Студбилет, зачетку, читательский. - Сколько у тебя еще козырей?

- Нет. - Я уже не уверен, стоило ли тревожить безразличную мне жизнь отдела кадров.

- Из библиотеки - справку, из 35-го заявление с резолюцией Миневича о том, что у вас все потеряно. - И даже символика!

В коридоре выставка к дебилю института. Шагаю мимо, но, глаза ищут и находят. Подхожу. Почему именно это? За все годы функционирования факультета при всем множестве студентов. Голова Давида. Петренко. Алла...

Сейчас я выскочу из квартиры, нажму на кнопку лифта, но не стану томиться — нет, пока он доберется, перепрыгивая ступеньки, я промчусь по лестнице черного хода, допав на девятый этаж, долечу до ее квартиры, вожму палец до боли в звонок и одержимо, уставшись на дверь очертания речи, догадка о поступи, дверь открывается, за дверью она, дальше, в глубь квартиры, на кухне — мать и тоже смотрит — четыре глаза изучают меня — я необычен: я как-то неловко поманю, вместе с нею шагнет мать, она тоже поймет, она вспомнит — так было, ид остановится, закусит губу, улыбнется — мы все выражим радость, я шепну: "Я хочу тебя! Я хочу с тобой..." — я опущу глаза, снова подъему их: "Пойдем к нам!"

— Ты — маньяк, — прикасает ко мне Ирина-и, прожа, всасывается в щечу: фиолетовая плазма переливается в нее.

— Как всегда не о том — перебираю невидимые локоны. — Мне ведь от них ничего не нужно.

Я все еще у стенда. Навстречу человек, опираясь на палки с подлокотниками: ботинки различны, ноги при перемещении настаивают на своей автономии. Именно это я открыл тогда, когда глаза, части лица и фигуры зашли сами по себе. "Почему у тебя два носа?" И снова взгляд на пожелтевшую хронику: доцент, пустой стул. Да, я тогда вышел.

ххх

Река, словно поврежденный парашют, не покоряется границам парапета. Больше всего мне дорог сейчас пес: я обнимаю лохматое тело, я успокаиваю зверя: преодолеем. К реке одержимо влечет и, отпустив пса — он не убегает, он втирается в ноги, я перевешиваюсь через гранит — рыхлое тело воды вскипает дылами, оно подобно карте, что на ней? Оно сокращается подобно клетке — мне не оторваться, зрелище манит: что под покровом, что за десант скрыт пеной? Волны как скалы. Неужели город гибнет? Накатывается вал. Я схватываю собаку и бегу, но куда? Здания закрыты и за стеклами — никого. Никто не откроет нам, и мы сгинем в бешенстве воды. Но кто там за дверьми — брат? Нет, не он. Это — я. Но все же ощущение братства. Ну, как же, я и я — конечно,

мы самые родные друг другу. "Ну, что же ты, сколько можно с раздраженной заботой он, замыкая дверь. - Посмотри". Да, задержись мы на набережной и - все. "Что у тебя в сумке?" - он, не повернувшись. "Это собака" - я треплю приносившегося кобеля. "Ну, как хочешь" - он крутит головой - ну, совершенно как брат, хотя это - я, допустим я¹.

- Налево - произношу я¹. - Я в ванную.

- Я тоже - присоединяюсь я.

Забавно созерцать себя со стороны, - наблюдать как раздевается я¹. И тут до меня доходит: ведь я¹ - мальчишка. Сколько ему - лет пятнадцать? Он вдруг кажется мне невероятно несчастным. Жажда утешить ребенка столь велика, что я приближаюсь, но вдруг иное захватывает меня и я: - А как это случилось?

- Ты все испортил, - отмахиваюсь от него. Я¹ пытаюсь открыть душу, но под рукой оказывается что-то иное из иного мира и иной ситуации. Я¹ перевожу взгляд, уже вспомнив: это - замененная рука покойника. Она желта и скручена, как лапка дохлой курицы.

- В чем же моя вина? - недоумеваю я. - Ты сам открыл. Но тут же ловлю себя на том, что в общем-то, не в состоянии сообразить, где же я? Но наибольшая тревога за я¹, с ним-то что? Неужели все так, как мне почудилось? Как же спасти его? Я беру его за плечи, я шепчу: Неужели ты не можешь остаться? Неужели нельзя жить нам двоим?! - кричу я.

- Ты не понял? шепчу я¹, коченея. Я¹ плачу. Руки, мои юные руки - мне не шевельнуть ими, они - мертвые, мне уже ничего не сказать ему, он так и не поймет. Так и не...

х х х

"Заблудиться нужно уметь, это - дар" - утешая себя, все глубже забираясь по смутно-знакомым лестницам на этажи, по ним сквозь двери, по коридорам - в неведомые кущи ВУЗа, как вдруг, словно пробуждение - белый мрамор, зеркала - да-да! - и белый рояль.

- Ты где? - простирает руки жена, чувствуя меня, незримого. - Чем все кончилось?..

Из залы попадаю на лестничную площадку, спускаюсь по ступенькам, похлопывая черные с золотом перила.

— У тебя сколько людей? — Спрашивает спина (я — сзади).

— Моих — восемьдесят, — голос из помещения. В нем свет и дым вуалью стелется наружу. Мощное лицо оборачивается. Мелкие глазки подмаргивают. Комсомольский значок. Молчание. — Ну так что? — из никотиновой пелены. — На по-вестке вопрос с пилотками. — Сейчас. — Производит шаг ко мне Незнамец.

— Ударить или убежать? — Последнее не от испуга, а от нежелания нарушать сюжет, навязанный мною.

— Вам кого? — Это — ко мне и новый шаг. Физиономия благополучна как мичуринская антоновка в корзине. — помню со школы: ботаничка трясда невесомый (давала подержать) мулек, повторяя несколько удивленно: "Полтора килограмма".

— Я за документами — я, не колеблясь.

— Вам завизировать? — Секретарь щелкает, словно кно-почным подом, авторучкой.

— Модест, что там? — В проеме организуется набросок и вот уже композиция из двух фигур: близкий к квадрату с фруктами на плечах и тощий, словно выдавленный из тубика, возникший.

— Нет, я уже выбыл, — киваю, стремясь вниз.

— Выход перекрыт... — Нависает в пролете яблоня. И будто падает плод, с подкашиванием: — Тупик.

х х х

За сложной системой оргстекла и алюминия старушки проводят чаепитие. Каморка тесна и реальность спорит с иллюстрацией: художник вроде бы шутит над героями, рисуя жилище меньше его самого. Но так же как в представившейся картина видимое убедительно и надежно, так и они: имеют продолжением руки плоскость стола, головы — ящик с ключами; сколько лет они просидят с блудцами? Различаю голоса: сплетничают. Им, наверное, невдомек, что лепят их слышен за пределами бытовки, во внешнем мире, где старческий гротеск вает пороки невестки, соседки, сменщицы, начальника "карау-

ла".

Заранее шевелю пальцами для привлечения внимания, подхожу и громко и вежливо, хотя уже и вспомнил, как добираться, спрашиваю. Мы все улыбаемся, и та, что гардеробщица (номерки как бублики на карамб шнурке), объясняет. Ей, кажется, понятно, что она первой начала меня утешать.

Натешившись информацией, удаляюсь.

Вахтерша: Бродит как Савич..

Гардеробщица: И каждый день.

Две реплики - два выстрела: обо мне? Возвращаюсь и, минуя, бросаю взгляд: Непрекращающее членение - пенсионерки так и сидят здесь до могилы, их меняют другие, и Смерть, запутавшись в клиентуре, гадает: Братал?

- Это и есть их захоронение, - шлепается на плечо человечек со спичечный коробок.

- Постарайся понять: мне необходима цельность событий, такая что ли система от А до Я, иначе легко запутаться.

Человечек: Тебе есть свихнуться.

Я: Ты - Савич..

Он: Неостроумно. Хуже - помлю.

Я: Ну кто же знал. Прости.

Савич (шепотком): Хочешь жить сто лет?

Я: двести.

Савич: Полтораста.

Я: Триста.

Он: возьми.

Сворачиваю ладонь, выхожу во внутренний двор, размыкаю изуродованые пальцы: конфета Кара-кум, сжимая - пусто.

На плече чепчик от желудя.

х х х

Я убежден, что нынче успею все завершить. Мне кажется, что я не слишком замечен. Зайдя в корпус, отсчитываю зигзаги, необходимые (как очереди, обеденные перерывы, минуты до открытия, минуты бездействия и молчания торговца), плясостижения искомой двери. Я осяб и взмок мгновенно - представилось, что библиотека закрыта. Впрочем, тут же стало

понятно, что мысль не сегодняшнего дня и испуг мой обернулся шуткой.

С влажной спиной я слежу, как вычинаются из библиотекарей части фигур стеллажами и столами, затем совокупляются в единое, как вдруг одна из девушек исчезает вовсе, а две других, будто ведают мою точку зрения, замирают с изданием, листая. Представление это походит на графическую игру.

Привычно сутулись, но тотчас предполагаю, что здесь все должно протекать иначе — они многое не одобряют и не могут уподобляться тем, к кому попадают в зависимость вне этих стен, неопределенно пощипывая прилавок.

Я оцениваю их и это, сочетаясь с нераспрямленной спиной, рекомендует визитера как закомплексованного, преобразующего недуг в наглость.

Не смущаясь отсутствием билета, Оля (ей подходит это имя?), штампует справку об отсутствии полга. Опин — поль!

Выхожу в коридор и тут же проникаю в недра "киоска" — что в нем? Среди кипы книг рассыпана и собрана бликами и тенями оконной рамы, решеток за окнами, ветвей и листьев, скользящих по стеклам. Фигура киоскерши. Разбросаны тиражи. Закованная в очки (что там, теплые дтаны?), она смотрит на меня повелительно и зло, желая сходу навязать свои идеалы. Но я не верю в созданный ею мир. Я сотворю свой. Да, не сейчас. Не сразу. Годы. Тысячи картин. Они навязнут мое мировоззрение миллионам. Я верю. У меня есть силы.

В коридоре — недавний должник библиотеки. Он рассчитался. Читальный зал, кефир, жена-сокурница, двадцать копеек, степень. Или: строитель, сауна, водка, каратэ, халтура на кладбище. Или: родственник в Штатах, собственное мнение, биография. Или — все вместе и что-то еще. Или — вообще иное? А я?

Старается идти быстро, но не уступая темпа и перегоняю девушку (маньяк) с сеткой. В ней: книги, вязание, апельсины.

Девушка (да как же так!?) другая — вдоль забора, гравици стройки. Я — широким шагом, через ступеньки, по лест-

нице, ведущей к дверям одного из корпусов, — но в него ни к чему, — и — вниз. Из-за колонны возникает девушка с сеткой и почти рядом мы следуем до какой-то сугубо-служебной двери, в которой канет. Кто там, страстный кочегар? Объятия в научно-фантастическом свете манометров под пересечением труб и арматуры. Взгляд на аквариум с рыбками (зритель!), взгляд "туда", — стон. Торопливое поглощение принесенного дайка и его, истопника, многообещающее: "Больше не приходи". Постучаться?

ХХХ

Я навещал деканат раньше: не только в период учебы, а после, когда прекратил посещать факультет; интересовался, имею ли возможность возобновить занятия, отвечали — да, я — удалялся. Когда я вновь вымитировал институт, то "да" произнесла незнакомая девушка, экспозиция дипломных работ менялась, стены красились в другой цвет, дисциплины переезжают в новые аудитории.

Что-то сегодня одни отчисленные, — обо мне и еще о ком-то, видимо о нем — поворачиваюсь к блондину с красным лицом (полжник библиотеки); что же с ним приключилось? Фактура? Мало! Словно ему срок помочиться; привык прятаться от людей, напиваться и иногда, в сособе дни, отличаться назойливостью. Вместе экзаменовались. На сочинении шептал все слышнее и разборчивее: "Луч света!" Я мотал головой и улыбался, забыл шпаргалки.

Блондин покашивается на холст, явно приглашая посмотреть: я заметил живопись при входе, как и все здесь; я лишь притворяюсь рассеянным. Да, это тот самый Озим, "Мой Узбекистан". Так что же, мы сдаем завидовать ему?

Только осенью, — откладывает просьбу об академической справке девочка. Зачем мне такой документ? И, устало и величественно: — Этот товарищ мне два месяца надоедал.

Она печатает. Он мнется. Я выхожу.

В коридоре знакомство с дипломами. Не торопясь (роль!) изучаю работы, бормоча: "Дрянь, дрянь"; один холст мне вроде бы надо признать нетурным, но я оцениваю лишь порыв,

родившим его. И только...

У выхода (входа) — списки разнообразных должников, абитуриентов, студентов, отправляемых в совхоз, пионерлагерь и пр. Когда-то в них...

Я — на площадке. В руке зачетка. Что это, слезы?

х х х

В фокусе сумка, опершася о ножку стула. Я тоже не каменная! — так, явно, восклицает, доказывая, имея, конечно, свои цели. Я понимаю ее сейчас, верю, открыв, — да ведь знал! что и она спешит и нервничает, юлит, пресмыкается.

Не видно фигуры и, равняясь с окном, опережаю головой туловище, направляю лицо к бойнице, хотя, еще не отворив дверь, знал, что инспектор здесь — застыла с того времени, как я покинул приемную и разморозился. Только теперь, когда загляну... ага! Смузена и, пожалуй, недовольна, только слегка, что даже странно близко к удовольствию — я пропал, че-го-то не сообщив, может быть, (мне страшно!) — не пообещав.

Незначительные слова и дальше: "Будет Стах!" — Деталь! — Столбенец. — За стеклами, растрофаречеными текстом, что-то творится. Там — невидимая с трубкой в руке, далее — провод и некто, а где-то уже зарождаются буквы: рыбой грузчик с гематомой на виске, подменяв цэнник, торгует свиными сардельками; птице дали вольную, но она пока не улетает, а примостилась на дверце клетки, наклонив голову; девица не решила — идти к зубному врачу или провести время в кинотеатре, не зная, где может случиться встреча; старик умирает и все это сгущается и распадается, пульсирует, рокочет (что добавить?) вершится ради апогея цикла: "Будет Стах".

Должностное лицо сближено — я отвлякся.

— Потребуется паспорт. — Она не договаривает. Когда? В чем сейчас дело? Тем временем рука протягивает аттестат. Когда же она изловчилась вскарабкаться на антресоль за папкой с моим дедом? Ведь не сейчас. Неужели? А если предположить, что не добыл ни справки, ни зачетки? Если подстроено, то что это такое?

Выходит и исчезает в дверях одного из отсеков.

Что они все, приезжие? Работают ради поступления в ВУЗ? Или после окончания?

— Распимштесь... — Я проследил приближение и то, как листки в руках дзялрагивают вместе с грудями: Она — сексуальна. У нее — двойная жизнь. Ей это нравится. Первая сторона бытия "инспекторская" оказывается (сладостная неожиданность, не ставшая привычкой), оплаченной в половой, потому как в ней происходит накопление для второй.

— Скажите, а можно мне получить официальную справку, что я у вас отучился? (Удас!) — Таращу взор.

— Если вы хотите академическую с перечнем заченных дисциплин, то нужен запрос и вообще это реальнее — осенью, сейчас (говори, продолжай, но только искренне, и я услышу нечто, да, именно теперь, в ряду никчёмных построений: я не такой безумец) наверняка ничего не добьешься.

— Да, это было быющ здорово, получить такой документ. Да. — Взгляд, чувствую, чересчур наивен, — перегнулся — удьбается. — А вот вы заметили насчет восстановления? — Поднята бровь. — Это осуществимо? — Бросаю в прорубь окна, замирая — обо что ударится фраза?

— Лучше всего обратитесь в триццать пятый кабинет и побеседуйте с Миневичем лично. У вас прошло, — слова достигли плотной среды, — более трех лет со времени отчисления, но если вы являетесь работником министерства просвещения, то им, как правило, идут навстречу.

— Нет. Не являюсь. — Время утекает сквозь беспомощные пальцы. Их искалеченность — не причина бездействия, лишь повод для оправданий.. "Сколько я мог бы сделать", — отчекиваю я формальной чертой бесплодность каждого года. "Я должен", — мне еще хватает дыхания на пустомельство.

— Что же вы не обратились раньше? — Что толку объяснять (и как?), что я прилетал и парил над корпусом, заглядывая: там? нет, там. Как объяснить мое нахождение в классе, когда сокурсники первый раз работали маслом — до чего забавно это выглядело? — Можно справедливо заметить, что тогда я былся в горячке в тисках незаменимого Ганса — да, это происходило в то время. Но я не...

х х х

— Это не Миневич — у меня, вроде бы, нет сомнений. Я прокрался тихо, к тому же он, развались, слюнявил телефонную трубку, так что я возник внезапно и застал его врасплох. Неподготовленным жестом пытается поправить что-то в воздухе. Это оказывается ни к чему, если иметь в виду меня, но он ощущает наличие еще и иного. Мне бы следовало зайти раньше — понимаю — тогда бы констатировал действие, и все в аудиенции разыгралось бы точнее.

Беседуя, я не в состоянии уразуметь, существует ли путь к реабилитации и мыслимая черта после моего вопроса: "Так я могу восстановиться?" — "Да" или "Нет" не проявляется.

Некоторое время воспринимаю сидящего проректором, ради чего соединяю два абсолютно несходных лица в единое: больше растягивается и оплывает физиономия исполняющего обязанности в пользу Миневича, потом же ошибка в личностях пересекается, он же, настороженно встретившись глазами, молвит: "Я не Миневич".

Не видя лучшего выхода, решаю вести себя эгоистично и, нечто тараторя, удаляюсь, но тотчас разворачиваюсь, как обруч скимая вопросительный знак: "Так я могу восстановиться?" — "Нет".

х х х

Когда город враждебен, я боюсь не добраться до дома, — я боюсь, но город чинит препятствия, и я никак не могу добраться до своего дома.

Пожалуй, я вышел не туда, после сунулся не в ту подворотню и вышел не из предначертанной парадной на набережную. Бульдозер и песок. Задницы плюющих в реку детей. "К весеной!" — чуть не завопил я, сообразив, что слышимое — перезвон колоколов. Глаз заметался: подворотня и ворота деревянные, бесконечно раз брашенные, — настежь, вросшие в асфальт им, огнепылающим, заливали их; старуха, приклеенная вампиром к стеклу: платок и... (чья-то картина?), как барельеф лепка стенная (ее не должно быть!).

Меня часто одолевали странные сновидения. Собака. Пес

погиб много веков назад. Во всем виноват я. Он понесся за мной и его перерезало трамваем. Когда транспорт приближался, мне казалось, это еще не финал. Миг повис у вечности. Ной вроде бы вырвался из-под колес. Можно ли было что-то исправить? Его словно затянуло в омут. Он выскочил или нет? Я не смог сообразить. Я понял, что слышу вой.. Я закинул уши. Я помчался проходными дворами. Я стал задыхаться и сменил бег на шаг. Я оказался у залива. Здесь мы купались с ним. Мы дали (возьми себя в руки!) я жег костры. Пес, что он представлял собой? Что он значил?

Я все помню. Людей. Дома. У меня было преимущество. Существовало два исхода. Он — там, или — дома. В сумерках я пеялся из подворотни. Ной лежал между рельс. Он — жив! Только не спеши, а то все испортишь! Его не увлекло под колеса! Ну, может быть задело, толкнуло. Да, это уж точно, но не столь страшно. Я приближался. Контуры пса менялись. Я — обманут! Песком засыпанные останки. Выбилась шерсть. Вьется. Мысль — откопать. Или просто окликнуть. Реанимация. Трансплантация. Что я?

Последующие дни преобладал смех. Повествуя о смерти, я стебался.. И вот те же ворота, та же перспектива, может быть тот же день. Может быть Ной рядом и сегодня ничего не случится.

х х х

Брюки и кудри (я оставляю тебя), этюдник, метафизически отяготивший плечо.

— Постойте, — начну я. — Постой.. Я доверю тебе чью-то жизнь. Когда мать целовала его щеки, губки, ягодицы, подбрасывала, ловила, то же проделывал отец, и оба называли происходящее счастьем, то он, голенький, становился неожиданно задумчивым, и в глазах его маячило нечто, знание много возраста, опыт зрелых лет, и родители, встретив мудрость, терялись, по инерции продолжая радость, но останавливались и созерцали его, размышляя — было ли у него что-то раннее? Трехлетний, он стоял на краю паралета и неотрывно следил за мусором, плывущим по течению...

— О ком вы? — Попытавшись ты вспомнить.

— Сейчас я не назову наверняка, но после может быть вспомню его точное имя. — Архитектура града еще просвещивает сквозь фигуру, но я уже ревную к размалеванным картонкам в фанерном коробе.

— Да, но зачем? — Попытавшись ты защититься от странных воспоминаний.

— Только не говори, что произноси слов, молю тебя, я попробую напомнить, как в детстве (было это?) орал от отчаяния, горя и злости, вожделения, возможного и утраты, утраты — воздух хранил волнение и запах, глаза различали контур — она только что прошла, кажется, коснулась меня, и, умилившись моей стряпне в песочнице, неуклюжим манипуляциям с железными формочками, призвала к иному. Юношей.. я заглядывался на египтянок, пил дешевое вино и пел с надрывом, стариком я мямлил; "Это еще не все, я еще встречу..."

— Это все нормально. — Улыбается Ирина. — Снискождение и материество, но по сути — другое — ее страшит скольжение по желобу — она видит, как тщетно цепляются конечно-сти обречденых: милая, она хочет обрести силу. . .

— Но дай мне вспомнить утро с пузырями солища сквозь тучи, когда стриж, стремясь, отсек проводом крыло и, упав на гравий, былся... и вечер, когда предметом своей страсти я избрал отрезок газетной страницы с фрагментом: стиснутые кулаки прижаты к маленьким грудям, узкие трусики, неаккуратный лист, на выброс, верхняя часть лица отсутствует, только губы в упреке кому-то, посягнувшему на беззащитность. Она сразу стала моей, я защищал ее от коварных преследователей и, израненный, молитвенцо прощался с ней, избавленной.

— Так это была... — не выдержишь ты, сжимая мою руку.

— Ну.. потерпи еще: я привык бродить, казалось, без цели, как сам считал вначале, но как-то понял — цель есть, нечто, неоформляемое речью, из бесчисленных составляющих чего были, угаданные — тень, луч, возглас и, таящееся — в листве, за поворотом, в окнах. Я тащился по раскаленной пустыне, там негде было укрыться от смертельный зноя, но, иссущенный и обезображеный ветрами и недугами, убедившись,

что на планете для меня не существует ни клочка суши, проваливаясь в бездну, пробуренную водой в своей же массе, я немел, предчувствуя, и скоро убеждался, что за пеной в столбе брызг рождается радужный лик.

— Почему мы не побеседовали об этом раньше. — Услышу я голос ушедшего Учителя и, после паузы, обниму тебя за плечи:

— Ты понимаешь, у меня нет ни одной картины маслом, но это в сущности не так: отсутствие их не абсолютное — они дошли материализованы, хотя произнес и убедился — нет ни одной картины маслом.

— Но кто же ты? — Резко воспрянемь ты (этюдник отукнется о колонну Казанского Собора: Невский так же гудит — что можем мы? Старуха на мосту хищно исследует ворох голубиных перьев: где же мякоть?).

— Ни разу нельзя обойтись без мертвичины, — очнется критик.

— Я — пятилетний мальчик со змеиной головой: мольба и страсть — согрей и полюби, дай припасть к своему сердцу, и я уйду, оставив в тебе свой яд, но не предам имя, Не назову.

— Почему ты стал таким? Мне жалко...

— Когда каждый кусочек моего тела был предан пороку, — когда я не искал раздражения, а бежал его, когда я просто бродил по кладбищу, когда, наступив на тень, я вспоминал, да, когда очертания случались похожими, когда любой эпизод... когда прозой и живописью становилось все видимое...

— Что же тогда? — Спросишь ты, готовая слушать.

1982 г.

=====